

Эдуард
ТОПОЛЬ

*Невинная Настя,
или Сто первых мужчин*

Эдуард Владимирович Тополь

Невинная Настя, или Сто первых мужчин

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136426

Эдуард Тополь. Невинная Настя, или Сто первых мужчин: АСТ,

Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-071511-4, 978-5-271-32977-7

Аннотация

Потрясающая, шокирующая повесть Эдуарда Тополя – известного и любимого во всем мире писателя, книги которого изданы во всех европейских странах, в США, Японии и, конечно, в России!

Книга о московской Лолите, решившей мстить всем мужчинам за поруганную девичью честь – мстить самым оригинальным способом: соблазнять их и бросать...

Что из этого вышло, вы узнаете в книге.

Содержание

От автора	7
Часть первая	9
1	9
2	16
3	20
4	25
5	27
6	34
7	39
8	44
9	50
10	60
Часть вторая	62
11	62
12	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Эдуард Тополь
Невинная Настя, или
Сто первых мужчин
Педагогическая поэма
(слабонервным родителям
читать запрещается)

«Если скандальный роман Владимира Набокова “Лолита” вам не по зубам, то теперь у вас есть шанс восполнить пробел в вашем эротическом образовании. И поможет вам в этом новое творение одного из лучших авторов русских бестселлеров Эдуарда Тополя. Книга носит незамысловатое название “Невинная Настя, или Сто первых мужчин”. Юная прелестница подробно рассказывает о своей бурной интимной жизни. Конечно, книга может кого-то шокировать своей откровенностью, но нам-то с вами не привыкать. Ведь правда?»

«Вот так!», Москва

«Прочла “Невинную Настю” и еще раз убедилась в гениальности автора, так реально отражена в ней жизнь

современного подростка».

Наталья БАБЕНКО, психиатр, главный врач ММУ «Лосино-Петровский наркологический диспансер», Московская область

«Не трудно догадаться, что за показной бравადой аппетитной кошечки (а слабо начать сексуальную жизнь в тринадцать лет!) скрывается несчастный, отчаявшийся малыш, который вопиет: “Что делать? Как мне дальше жить, ведь я уже на пределе!” – к нам, чужим и неизвестным взрослым... И пропасть, которая отделяет мир несовершеннолетних от нашей взрослой реальности, становится очевидной до жути...»

«Вечерняя Москва»

«“Невинная Настя”, имея в своем названии слово “невинная”, – на первый взгляд проста и неказиста. Но читатель глубокий, мыслящий, дочитавший ее до конца, ужаснется от той трагической развязки (Тополь как-никак писатель, прославившийся как автор хорошо скроенных детективов), от понимания, что перед его взором во весь рост обозначено название страшной болезни многих нынешних шестнадцатилетних – детская сексуальная наркомания...»

«Версия», Москва

«Читайте Тополя!»

«Бильд», Германия

КНИГИ ЭДУАРДА ТОПОЛЯ ИЗДАНЫ В США, АН-

ГЛИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ПОРТУГАЛИИ, ШВЕЦИИ, ФИНЛЯНДИИ, БЕЛЬГИИ, ВЕНГРИИ, БОЛГАРИИ, ПОЛЬШЕ, ЯПОНИИ И В РОССИИ

От автора

Пакет был небольшой, а в нем – четыре аудиокассеты и короткое письмо:

«Уважаемый Эдуард Тополь! Читая Вашу книгу «Новая Россия в постели», я думала, что когда-нибудь сделаю так, как Ваша «любвеобильная» Алена: запишу на магнитофон свои приключения и пришлю Вам. Правда, я не собиралась сделать это так быстро, я хотела подождать, когда мне, как Алене, будет двадцать шесть или хотя бы двадцать пять. Тогда моих кассет было бы куда больше, чем у нее. Но в жизни никогда нельзя загадывать, она распорядилась моей судьбой сама, без моего согласия, и поэтому кассет всего четыре. Но ведь и мне-то всего семнадцать.

Больше мне написать нечего, все остальное услышите на пленках.

Желаю Вам успехов и жду ответа,
Настя N.».

Я долго колебался, предавать ли печати то, что услышал на этих пленках. Хотя Настя и ждет ответа, но брать на себя решение ее судьбы я не мог. И поэтому – послушайте сами...

Автор предполагает, что многие опознают себя в Насте, ее родителях и знакомых, но категорически отрицает суще-

ствование одной реальной Насти или ее одного реального прототипа. Все персонажи и события, описанные в этой книге, являются вымышленными, а все совпадения с обстоятельствами жизни любых реальных лиц совершенно случайны и могут свидетельствовать только о типичности характера героини и ее поступков.

Часть первая

Первая кассета, или Как Настя невинности лишилась

1

– Май 199... года. Мне только-только исполнилось тринадцать лет, и я решила, что я уже выросла, стала самостоятельной и началась моя новая жизнь – я найду себе принца, найду классного парня, который будет гордиться мной, а я буду гордиться им. Мы будем дополнять друг друга.

И я уговорила родителей отпустить меня на дискотеку. Это было не так просто, но я вытрясла у них это разрешение.

И вот я накрутилась – ну, у меня была классная, как у Мальвины, прическа, была красивая коротенькая юбочка, прозрачный топик... То есть я вся была такая девочка-куколка. И в таком прикиде я отправилась.

Нет, я не была вульгарной, я не была накрашена, как шлюха, просто я была такая девочка-девушка, и мне нравилось, что на меня все смотрят.

Придя на дискотеку, я сразу заметила трех парней. Они там явно выделялись. Особенно один – он был не просто красивый, он был идеальный. Брюнет, большие зеленые глаза,

весь сильный, накачанный, в белой шелковой рубашке – в общем, все как надо.

И когда началась дискотека, этот красавец пригласил меня на танец, мы познакомились. Его звали Гоша, но представился он как Грэг. Оказалось, я его знала давно, он жил в соседнем доме. Я частенько видела его то одного, то с девушками, то с компаниями, когда они сидели во дворе и играли на гитаре. Но я тогда была совсем другой, у меня были только одни мысли – сидеть за уроками или брать в библиотеке книжки и читать с утра до ночи. А теперь был май, мне тринадцать лет, и я решила, что начинается моя взрослая жизнь и это будет мой парень.

А он был не один. Он был с двумя друзьями – Васей и Витей.

Конечно, уже после второго-третьего танца с Грэгом я стала ловить на себе завистливые взгляды девчонок. А потом услышала их разговор – между собой они называли Грэга жеребцом. Но я понимала, что это от зависти. Да, он и правда был похож на жеребца – знаете, на племенного жеребца чистых кровей. Но ведь и я считала себя лошадкой без примесей. Я была красивая лошадка – так почему бы нам не быть парой?

Вечером после дискотеки он пошел провожать меня домой. Его друзья шли позади нас, а мы шли с ним вдвоем, болтали, смеялись, шутили, и я была просто счастлива. Да, я была счастлива, я гордилась тем, что я такая замечатель-

ная, и уже строила планы, что Грэг будет приходить за мной в школу и все увидят, какой у меня классный друг.

Тут мы подошли к моему дому, я сказала:

– Вот мы и пришли! Это мой дом. Всем счастливо!

И конечно, я ждала от Грэга поцелуя, я знала, что он меня поцелует, да так, что я буду самой счастливой в мире.

И Грэг ко мне наклоняется. Он целует меня и говорит:

– Давай ты с нами еще побудешь.

А я после этого поцелуя была готова – не знаю – взлететь! И конечно, мы еще чуть-чуть прощлись, потом я сказала, что не хочу уходить далеко от дома и вообще мне уже пора. Он говорит:

– Тебя ждут?

А ведь я уже взрослая, я говорю:

– Нет, меня не ждут, но дальше я не пойду, я хочу домой.

И тут я была ошарашена. Грэг говорит:

– Неужели? – и, глядя на меня совершенно спокойными глазами, вдруг бьет меня со всей силы так, что я отлетаю, падаю и даже проезжаю спиной по асфальту.

Конечно, я в шоке.

А Грэг подходит, поднимает меня на руки, как ребенка, и говорит:

– Прости, девочка. Пойдем, не надо упираться.

Но ведь я и не упиралась, не кричала: «Помогите! Спасите!» – ничего такого не было. Я просто сказала, что дальше не пойду. Но Грэгу это не понравилось. Он, наверное, при-

вык, что все девушки ему подчиняются.

И вот они заходят в какой-то подъезд, лифт не вызывают, а идут пешком по лестнице, и Грэг все несет меня на руках. Потом меня несет Вася, потом Витя – каждый по несколько этажей. Поскольку я была легонькой, как куколка, это для них не составляло труда.

Конечно, я все это время пыталась как-то сопротивляться, но без толку – руки у них как какие-то щипцы, клещи.

Тут они вносят меня на чердак, и я понимаю, что это уже не прогулка, это что-то не то.

А они, зайдя на чердак, ставят меня на ноги. Я быстрым взглядом окидываю этот чердак – он какой-то серый, темный, непонятный. И я сразу же отбегаю от них к стене. У меня под ногой деревяшка, я ее хватаю и говорю:

– Не подходите ко мне! Грэг, ты понял?

Он на меня смотрит, улыбается и вальяжной такой походкой направляется ко мне.

Я пытаюсь его ударить, но он хватает конец этой палки и просто отшвыривает меня.

Я падаю и чувствую, что упала на что-то мягкое. Смотрю – а подо мной матрац. Причем не какой-то грязный, затасканный, а чистый, как будто его принесли сюда пять минут назад. Синий, с белыми полосками. И тут до меня доходит, что это засада, это все было спланировано заранее. Не я, так другая оказалась бы на этом месте. Просто я была в этот вечер на дискотеке и стала их очередной жертвой.

А Грэг подходит ко мне и говорит:

– Ну что, детка? Сама разденешься, или тебе помочь? Лучше сама все снимай, иначе разорвем в клочья твой прикид.

И я понимаю: если я буду рыпаться, они избыют меня так, что я оттуда вообще не уйду живой. Мне стало страшно, я стала их просить:

– Пожалуйста, ребята, не трогайте меня! Прошу вас! Не надо!..

Но они не хотели и слышать. Да и не стали бы никогда. В их глазах было только желание и какой-то звериный блеск.

Тут Грэг расстегивает свою белую шелковую рубашку, я вижу у него на груди большую татуировку и продолжаю просить:

– Пожалуйста, не надо! Грэг, умоляю! Пожалуйста, пацаны, поставьте меня на счетчик, я буду выплачивать вам деньги, я сделаю все, что скажете! Только не надо этого!..

А Грэг на меня смотрит и произносит такую фразу:

– Не может такая красивая девочка быть целкой.

И начинает меня раздевать – просто наваливается на меня всем телом, я даже не могу пошевелиться, ведь он накачанный, сильный, он держит меня, хочет целовать в губы, а я отворачиваю голову.

– Ах так! – говорит он. – Ты хочешь накалить страсти? Ноу проблемс!

И зовет своих пацанов – Витю и Васю. Они садятся по

обе стороны матраца, держат меня за руки, и я не понимаю сначала, зачем ему это, ведь он сильный, он мог меня и один удержать. Но потом, много позже, поняла: он хотел завести и этих парней, чтобы они быстрее приняли нужную форму.

Представляете, эти два пацана сидели по обе стороны матраца и гладили, целовали мое тело.

Но я ничего не ощущала, я видела глаза Грэга... Знаете, как это бывает? Вот ты видишь красивого человека, и вдруг у тебя к нему отвращение, и ты смотришь на него уже совсем по-другому.

А мне тринадцать лет, у меня же психика не стальная. Я хочу заплакать, но я же никогда не плакала в жизни. Я никогда не плачу. Если мне больно, я лучше как-то заглушу свою боль, я не знаю что сделаю, вылью свою злость на кого-то, но не буду плакать, и все!

И тут я чувствую, как ужасная боль пронзила меня. Это как тысячи иголок, они вонзились в меня, и мне стало очень больно.

Потом, после, я часто думала: лучше бы я тогда потеряла сознание, лучше бы ничего не помнила!

Но нет, я помнила все от «а» и до «я». Пока Грэг делал свое «дело» в кавычках, Вася с Витей, видя это, загорелись, у них уже тоже все было наготове.

Грэг отошел от нас, сел на пол, я видела его силуэт. Он взял сигарету, закурил и стал говорить. Он говорил разные вещи. Я не хотела их слышать – знаете, когда ты чего-то

очень не хочешь, ты просто стираешь это в своем сознании. Но где-то далеко в подкорочке это у меня отложилось. Он сидел и говорил:

– Детка, ты красивая. Ты кукла. Ты в жизни добьешься многого. Пойми же, что мы тебе только помогли. Прикинь, а если бы ты в кого-нибудь влюбилась? Ты бы с ним переспала, отдала бы ему свою девственность, а он бы тебя бросил. Тебе было бы обидно, верно? А щас что? Просто жизненная школа, и все. Так что ни о чем не думай. Все вышло классно, и ты сама классная...

Слушая это, я лежала с сухими слезами на глазах и думала: я отомщу! Я растопчу этих ублюдков, я отомщу им за себя и за тех девчонок, которые были здесь и еще будут! И я знала, что отомщу – не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц, через год, но моя месть настигнет их...

Когда все закончилось, Грэг подошел ко мне, хотел поцеловать меня в губы. Но я отвернулась. Он удержал мой подбородок рукой, поцеловал меня и сказал:

– Ну что, детка? Сама дойдешь, или отнести на ручках? Это было последним унижением, которое я испытала на том чердаке.

Дорога домой показалась мне вечностью. Хотя на самом деле я была не очень далеко от дома. Но это же ночь, темень. Я шла по асфальту, а он теплый, от него теплом прямо веет. А во мне такое чувство, как будто он мокрый. Мокрый от моих слез. И вообще все мокрое.

И вот я иду, и мне кажется, что дорога не кончается. Думаю, может быть, я потерялась? Может, я не там? Я шла и постоянно оборачивалась, мне казалось, что за мной кто-то идет. Я думала: Господи, только бы никого не встретить! Не дай Бог! Только бы дойти домой, только бы домой, в ванну! Дом для меня был тогда как спасение.

Наконец я добралась до дома. Я знала, что меня никто не ждет, что мои родители в деревне. Я нашла в холодильнике водку, выпила два стакана. Этой водкой я заливала не свое горе, а физическую боль. У меня болело всё, все мышцы. Кстати, извиняюсь, я хотела одну вещь рассказать и забыла.

Раньше я всегда думала, что половой акт длится – ну не знаю – минуту-две, не больше. Как в фильмах. Я же это все по фильмам себе представляла. И тут, когда я оказалась с этими парнями, я думала: ну, минутку перетерплю, и все, это быстро закончится. Но эти пацаны были очень здоровыми ребятами, здоровья у них было – хоть отбавляй, и эти минуты растянулись, они для меня превратились в огромные сту-

пеньки в ад.

Хотя все подробности той ночи я все равно никогда не вспомню. Потому что я изо дня в день и уже из года в год пытаюсь забыть их. Я считаю, что это как плохой сон. А сны всегда забываются, и все плохое проходит. Я вообще не знаю, как у меня не случилось какого-нибудь нервного срыва после той ночи. Они убили во мне ту Настю, которой я была раньше. Я перестала доверять людям. Мне было тяжело полюбить кого-то. Мне вообще было тяжело начинать все сначала. Это было мне не под силу. Как маленький ребенок, который сильно обжегся, я уже боялась протянуть кому-либо руку. Зачем? А вдруг мне будет больно?

Но потом постепенно эта ночь забывалась, и я все равно живу...

Моя лучшая подруга рассказывала мне, что когда она первый раз переспала с парнем, то на следующее утро она проснулась, заплакала, а он целовал ее, целовал слезы, которые текли у нее из глаз. И говорил, что она самая любимая. А на самом деле это у нее были слезы благодарности за то, что он с ней, что он подарил ей такую замечательную ночь.

А я в мою первую взрослую ночь плакала от ужаса и просила: «Отпустите меня». С тех пор слезы ассоциируются у меня с чем-то низким, с тем, что тебя унижают, делают больно, плохо.

После той ночи моя жизнь изменилась в корне. Ведь раньше я представляла себе эту ночь на какой-нибудь большой

постели — с любимым человеком, вокруг свечи, цветы красивые. А тут — на чердаке, на матрасе...

И еще меня удивило то, что они, все трое парней, и особенно один из них, Грэг, были красивыми, сильными, хорошо одетыми. Всё при них. Да любая девчонка сама бы кинулась на такого парня и сказала: всё для тебя! И я не понимала: зачем они так? Зачем они меня — силой, ужасом? Ведь наверняка я не первая девчонка, ставшая их жертвой. Мне было ужасно, когда каждый из них делал это со мной, а другие смотрели. Ужасно! Я закрывала глаза, не хотела смотреть.

А им, наверное, наоборот, хотелось именно так, хотелось каких-то приключений, острых эмоций и зрелищ...

И вот я сидела дома одна и пила водку, чтобы заглушить боль и воспоминания о том чердаке.

Но водка не брала меня.

Я думала: за что мне это? Почему я, тринадцатилетняя девочка с такими мечтами, с веселыми надеждами, оказалась на том чердаке, с этими подонками? Ведь я была уверена, что я в жизни добьюсь всего, чего хочу. А тут меня просто лицом в грязь!

Ах, если бы можно было переиграть этот вечер! Я бы все изменила, все! Я бы никогда в жизни не допустила, чтобы так произошло. Когда они в меня входили, мне было так больно! Внутри все сжималось. И мерзко было, просто мерзко. Я помню, что они были с презервативами, что эти презервативы с каким-то банановым вкусом и запахом. И потому я до

сих пор запах бананов не переношу, терпеть его не могу, у меня к бананам полное отвращение...

А поскольку водка меня никак не брала, то я выпила коньяку и уснула.

Утром...

Знаете, когда просыпаются после огромной пьянки и не хотят вспоминать, что они вчера пили, а хотят встать так, как будто ничего не было, – вот и у меня наутро было такое чувство.

Я умылась, подошла к зеркалу, попыталась как-то очнуться. Есть я не могла – какая еда? Да упаси Боже!

Я посмотрела на себя в зеркало, и, конечно, все сразу всплыло в памяти. Неожиданно все возобновилось, меня охватила даже какая-то дрожь. Но я сказала:

– Нет, Настенька, успокойся, давай все забудем. Все прошло. Мы с тобой начнем все заново.

А та, которая стояла в зеркале, она смотрела на меня, но ее глаза уже не светились тем солнечным блеском, с которым она шла вчера на дискотеку. Не было в них ни блеска, ни счастья, ни уверенности, что эта девочка, эта кукла всего и всегда добьется. Быстро эта спесь с меня сошла. К тому же я всегда зависела от чужого мнения. Главное – что обо мне подумают, что обо мне скажут. Я всегда ставила чужое мнение на первое место. И я боялась, что выйду сейчас на улицу, а весь город уже знает, что я шлюха. Потому что эти пацаны могли просто похвастаться тем, что произошло. Ведь у нас во дворе как? Даже если парень изнасилует девчонку, для

него это подвиг, а про нее говорят, что она шалава и уличная блядь. Грэг и его пацаны могли теперь про меня что угодно сказать. Могли сказать, что я сама с ними пошла, могли сказать, что я чуть ли не сама им отдалась.

Для меня это было бы клеймом.

Правда, слава Богу, они никому ничего не сказали. Они сами, наверное, боялись, что я подам заявку. А я, конечно, не сделала этого, ведь тогда все раскрутилось бы, все бы об этом узнали, а мне это было совершенно не нужно. Во мне зрела другая месть, я знала, что когда-нибудь я до них доберусь.

И вот, выйдя на улицу, я решила вздохнуть полной грудью. Вдохнуть в себя огромный глоток чистого воздуха. И – не смогла. Не смогла даже нормально дышать этим чистым утренним воздухом – у меня как будто огромный ком со вчерашнего вечера внутри остался.

Я поняла, что надо что-то делать. И пошла не в школу, а в какую-то забегаловку. Посидела, выпила пива. Самым тяжелым было то, что со всеми этими мыслями, чувствами и памятью о вчерашнем я была наедине. Они у меня были постоянно в голове. Конечно, я пыталась их прогнать. Я думала: сейчас все пройдет, забудется, все будет хорошо. Но нет, ничего не забывалось...

И все-таки я старалась, насильно заставляла себя все забыть. Поэтому, наверное, я сейчас жива. Мои знакомые девочки, подружки, которые через это тоже прошли, они пытались резать себе вены, покончить жизнь самоубийством. Я

тоже пыталась резать себе вены, и у меня до сих пор шрам остался на руке от этого. Но резала я себе вены по другому случаю, и эта история еще впереди. А тогда я не пыталась ни вены резать, ни прыгнуть с десятого этажа, ни еще что-то сделать с собой. Я понимала, что это не выход.

Днем приехали мои родители. Говорят, что родители всегда замечают, когда ребенку плохо или что-то с ним не так. Я тоже считаю, что как бы мы ни притворялись, родители должны заметить, что что-то случилось. И когда мои родители приехали, мама, конечно, сказала:

– Настя, как дела?

Я говорю:

– Мам, все замечательно.

Она говорит:

– Точно?

Я говорю:

– Да, все прекрасно.

Мама поцеловала меня, папочка обнял – все как обычно. Вечером, когда они садились ужинать, я говорю: нет, я не хочу. И ушла к себе в комнату. Долго сидела, думала. Представляла такую картину – вот я захожу к ним туда и говорю: мам, пап, вот так и так случилось.

Но мне почему-то казалось: они меня возненавидят. Они скажут: какая ты грязная, опущенная, как ты могла до такого докатиться?! Скажут, что я им не дочь...

А больше всего я боялась того, как это отзовется на папе.

И не потому, что мне было бы стыдно перед ним, а потому, что он живет ради меня. Он часто мне говорит, что его жизнь заключается во мне, что если бы не было меня, то его бы тоже не было. Мне, он говорит, не нужна была бы эта жизнь, если бы у меня не было такой дочки, как ты.

Когда я слышу эти слова, у меня все сжимается внутри и сердечко начинает колотиться с такой силой!..

Мой отец, я уверена, до сих пор не знает, что я живу половой жизнью. Сто процентов, что он не знает. Мама догадывается, но она всегда говорит: есть, говорит, много вещей, которые мне не нужно знать. Возможно, она права. Но она не знает, с какого возраста я живу такой жизнью и с какими проблемами мне приходилось сталкиваться. Хотя я еще ребенок даже сегодня, в моем возрасте. А проблемы у меня были совершенно не детские еще тогда, три года назад.

Правда, потом, когда мы с мамой разговаривали на эти темы, я сказала:

– Мам, а если бы со мной так случилось?

Мама говорит:

– Мы бы тебя пожалели, поняли бы, помогли бы тебе все забыть, всегда были бы рядом.

Но хотя она так говорила, я почему-то уверена, что это неправда. Если бы я рассказала про тот чердак родителям, это обязательно узнали бы все наши родственники – у нас так положено. Например, когда мой двоюродный брат не поступил в институт, то про него говорили, что он дурак, каких

свет не видывал. Хотя он очень одаренный ребенок. И меня бы тоже затравили мои собственные родственники, они бы испытывали ко мне отвращение, жалость и постоянно напоминали бы мне о моей беде. «Ой, Настенька, ты идешь гулять? Смотри, поздно не возвращайся, а то мало ли что!» А я бы этого не выдержала.

Так что я считаю: я правильно сделала, что никому ничего не рассказала, а сама все пережила.

Но рано или поздно надо было идти в школу. Господи, как я туда не хотела! Это одному Богу известно, как я не хотела идти тогда в школу!

Но я же отличница, я же никогда школу не прогуливала. А теперь боюсь идти – вдруг там уже всё знают, вдруг эти пацаны похвастались кому-то своими подвигами?

Я пошла в поликлинику и сказала врачу, что у меня по ночам температура, дайте мне справку. Мне дают справку на два дня. Два дня я сижу дома и понимаю, что это какой-то дурдом, я так с ума сойду. Медленно, но верно буду на тот свет отправляться. Потому что меня всякие мысли дурацкие угнетали, я думала: а как же мой будущий муж? Он спросит: а много у тебя было парней до меня? И если это муж, любимый, я же не смогу ему врать, я скажу: трое и одновременно. Ну как он будет ко мне относиться? Будет он со мной жить?

В общем, не досидев эти два дня, я иду в школу. А там такое чувство, как будто на меня все смотрят. И все всё знают, все в курсе. Конечно, сейчас я понимаю, что это я тогда сама себе напридумывала. На самом деле – и спасибо, конечно, Господу за это – никто ничего не знал. Но тогда у меня было такое ощущение, что моя жизнь просто выставлена всем на показ. Как в театре – подходите и смотрите.

Однако, постепенно успокоившись, я решила заняться

учебой конкретно. Я съездила на несколько олимпиад, даже заняла как-то первое место. То есть все мои мысли ушли в учебу, и ни с какими ребятами я, конечно, не хотела встречаться. Хотя многие обращали на меня внимание, клеились, но у меня был какой-то бзик — я их на дух не переносила. И еще, я помню, у меня было какое-то чувство вины, как будто я сама себя обманула, а точнее, обманула того ребенка-девочку, которая жила во мне, писала стихи и которой я всякие сказки придумывала про мальчиков-принцев. Было обидно, конечно. Но это тоже прошло. И потом, когда мы с девчонками пошли на медосмотр, мне сказали: девочка, ты слишком рано начала вести половую жизнь. Я знала, что мне что-то вроде этого скажут, но это уже прозвучало не как приговор, а просто как будто они констатировали факт.

Я выслушала и сказала: «Хорошо, учту...»

Закончив учебный год, я поехала отдыхать в деревню к де-душке. Родители мне никогда ни в чем не отказывали, я могла себе все позволить, и я уже не стала строить воздушных замков, думать о сказочном принце на белом коне. Нет, ничего этого уже не было. Я повзрослела, я резко стала взрослой...

Впрочем, извините! Сначала я должна рассказать вам про свою деревню. Деревня наша выглядит очень, я считаю, приличной. Сейчас там строится много новых домов, постоянно приезжают какие-то люди, но мне нравится, что там все-таки мало москвичей и я очень сильно выделяюсь из деревенского общества. Во всяком случае, пацаны меня там ценят, любят, уважают, прислушиваются ко мне и считаются с моим мнением.

К тому же там люди совсем не такие, как в Москве. Они очень добрые. Например, если ты что-то спросил у человека, он тебе всегда вежливо ответит. Он никогда тебя не пошлет. А в Москве, даже если ты будешь очень аккуратно идти, тебя все толкнут, пихнут и еще скажут: «А хера тут встал?!» А там – нет. Или, например, идут там соседи друг к другу. Так они обязательно несут с собой что-нибудь вкусное, угощают друг друга. И хотя у них очень маленькая зарплата или пенсия, они все равно добрые, в них больше человечности,

чем в нас. Мы, я считаю, настолько зажрались, настолько сыты этой всей цивилизацией, что уже всю человечность почти потеряли. А у них такого нет.

Ну вот. Как только я приехала в деревню, мама с папой оставили меня на месяц с бабушкой. У нас там дом, сад и еще беседка – летний домик. В этом домике могут и гости ночевать, а бабушка летом всегда там спит. А большой дом полностью в моем распоряжении. Я вставала в восемь утра, шла на речку купаться, потом приходила домой, ела и уходила гулять на весь день. Возвращалась только в три-четыре утра.

За деревней у нас есть старая заброшенная церковь. Ее называют «Куски» – уж не знаю почему. Может, потому, что коммунисты когда-то разнесли ее на куски. Но все-таки здание осталось, и мы, наша деревенская компания, в этой церкви торчали днем и ночью. Хотя вся церковь замурована – ни окон, ни дверей. Чтобы в нее пробраться, надо обойти небольшую рощицу и уже потом, на корточках, пролезать через небольшой лаз, который партизаны сделали во время войны. Но и этот лаз пацаны замаскировали, чтобы никто его не увидел. А внутри церкви были старые диваны и кровати, которые ребята туда притащили. И там мы проводили все свое свободное время – валялись, рассказывали анекдоты, а по вечерам пацаны обязательно пили. Иногда и я с ними пила, иногда – нет. Потому что все-таки какой бы я ни была, а всегда знала меру. Особенно в выпивке. Там, кстати, знаете

что пьют? Там самогонку мешают с димедролом. В деревнях это вообще популярно. На литр воды четвертую часть спирта и штукек шесть таблеточек димедрол. Это и дешево, и результат отменный. Пьется такая самогонка очень легко, как вода, только чуть-чуть привкус водочки. Зато потом просто срубает напрочь. Но хотя я пила эту гадость, я не давала своим эмоциям быть впереди разума, я все понимала отчетливо.

Вот, например, мы лежим на диване, и уже алкоголь настолько дает по мозгам, что начинаем целоваться, обниматься, и уже, знаете, как-то не важно, кто там с кем. А я – нет. У меня была голова на плечах. Мне нужно было, чтобы у меня был постоянный парень, чтобы он говорил: вот моя девушка, она самая лучшая! А таких ребят там не было. Там пацаны просто на один вечер пользовались девчонкой, и я ни с кем из них не стала спать.

Но вот среди лета к нам с дедушкой приезжает один папин знакомый, дядя Степан, со своим сыном Артемом. Сыну восемнадцать лет, он собирается в армию. Но до призыва еще есть время, и они приехали к нам на рыбалку – дядя Степан был заядлым рыболовом, а у нас дом прямо у реки. Дядя Степан говорит:

– Я у вас переночую, а спозаранку на рыбалку.

Дедушка отвечает:

– Конечно-конечно.

А мы с Артемом сидим на лавочке, и тут приходят все мои деревенские друзья-пацаны. Он видит, что я общаюсь с

какой-то уличной шпаной, видит, как мне весело, здорово, и думает, что я еще ребенок. А я уже под вечер, когда мои ребята разошлись, решаю: надо мне очаровывать этого мальчика. Он, прямо сказать, не особой красоты, блондин, но у меня все равно возникло к нему какое-то желание. Я еще не понимала тогда, что это за желание, я думала, что хочу морочить голову всем пацанам, подчинять их себе и, может быть, как-то отыграться на них за прошлое. Я говорю:

– Пойдем, я тебе покажу сад.

Мы пошли в сад. Сначала я ему показала наши огромные яблони, потом мы покачались в гамаке, зашли в баню. А в бане у нас, как положено, сначала предбанник, а потом парная. Мы заходим туда. И я, разговаривая, встала на порожек. А Артем – парень высокий, и оказалось, что мои губы как раз напротив его губ. Я начинаю его целовать. Сама. А он, честно говоря, не особо сопротивлялся, хотя и не ожидал, конечно. Думал, что я еще маленькая и глупенькая.

Мы с ним идем, садимся в их машину и сидим там до двух ночи, целуемся. Дедушка и дядя Степан уже давно спали в беседке, потому что рано утром дядя Степан собирался на рыбалку.

Я говорю:

– Тёма, я пошла в свою комнату, а ты давай через сад перебирайся ко мне, я окно открою.

Он через окно забрался в мою комнату, мы разделись, легли в постель, и он стал опять меня целовать, обнимать, лас-

кать. Настолько был нежным, мягким, и тем более окна открыты, теплый такой ветер, луна за окном, сияние такое волшебное, и тут еще – представляете – соловушка запел! У меня от этого настроение совершенно прекрасное, изумительное.

Но я была умным ребенком, я говорю:

– Только с презервативом!

Он говорит:

– Что ты, Настенька! Я же ехал в гости, я не рассчитывал, что будут такие обстоятельства.

А я говорю: нет, и все. И сделала ему минет.

Да, это была потрясающая ночь! Мы провели ее всю вместе. Хм, я отдала ему всю свою нежность! Вообще, какой бы у меня парень ни был, я всегда делаю так, чтобы он чувствовал себя единственным и неповторимым.

Представляете, мы с ним лежим в постели, а это же лето, тепло, тишина, окно открыто, и мы слышим, как поет соловушка – так красиво, нежно. Это было просто замечательно! Артем говорит:

– Настенька, я тебя люблю! Знаешь, я никогда не мечтал о такой красивой и шикарной женщине! Но я же тебе не нужен, ты меня бросишь.

А мне смешно. Да я же еще ребенок, по сути дела. Ну и что, если я начну спать с парнями? Это еще ничего не значит! Я лежу и думаю: Боже, неужели он меня и правда любит?

Наутро мы с ним проснулись в одной постели. Дядя Степа уже был на рыбалке. А мы с Артемом пошли на речку. Я говорю:

– Давай купаться.

Мы зашли в воду, и тут началось вообще нечто! Я же раньше никогда не занималась любовью в воде. Но там у нас берег такой: сначала пляж, песочек, а потом, если пройти шагов десять, уже глубоко. И вот мы там, где песочек, где вода по колено, легли в воде. Я на Тёме верхом. Это было потрясающе. Я никогда в жизни не думала, что бывает так здорово. Тёма сказал, что я похожа на русалку. А я, будучи сверху, подумала, что я похожа не на русалку, а на ведьмочку...

Потом мы вернулись домой, Артему и его папе надо было уже уезжать, Артем говорит:

– Можно, я буду тебе звонить?

Я говорю: конечно. Но я не хотела этого. Пусть мне понравилось, как мы с ним эту ночь провели, но я не хотела повтора, не хотела никаких обязательств перед ним. Хотя и поняла, что он меня полюбил. Это читалось в его глазах, жестах, во всем. Но я не стала ждать их отъезда, взяла свою куртку и ушла. А когда я вернулась уже ночью, бабушка мне говорит, что они задержались намного дольше, чем должны были. Они ждали меня. Артем на листке написал, что целует меня, любит и чтобы я в Москве ему позвонила.

Но я так и не позвонила.

Вот такое в то лето было у меня маленькое начало боль-

ших приключений.

Погоуляв вволю, я вернулась в Москву. А что Москва? Осень, восьмой класс. Знаете, как в песне: «До седьмого класса ты любви не знала, а к восьмому классу от любви устала». Это было про меня. Я так устала от этих летних гулянок и пьянок, что приехала в Москву и вздохнула полной грудью. Решила: так, надо остепениться и найти взрослого красивого парня, чтобы я могла на него положиться.

И я не заставила себя долго ждать – 25 сентября я знакомлюсь с одним парнем, точнее, это он со мной знакомится. Ему двадцать один год. А мне четырнадцать. Он на семь лет старше меня.

Вот как мы с ним познакомились. Я просто шла по магазину, а он подошел ко мне, улыбается и говорит:

– Девушка, я вас где-то видел?

Я говорю:

– Может быть...

Он:

– Конечно! Я не мог такую красивую девушку не заметить. Давай прогуляемся.

И мы пошли прогуляться. Гуляем, и я вижу, что что-то не то, какие-то у него глаза мутные. Все-таки у нормальных людей есть блеск в глазах. Пусть они сероватые, голубоватые, зеленые, но с блеском. А у него они как в пелене. Но я еще

не понимала, что к чему. Только потом, позже, я поняла, что он наркоман, и испугалась – а что, если он скажет: «Давай попробуй» – и я подсяду на это дело?

А этот Дима очень любил смотреть стриптиз. Но у него дома были сестра с мужем и маленьким ребенком и мама с папой. Поэтому наши встречи происходили в довольно трудной обстановке. Чтобы всех их дома не было – это было очень трудно сделать. Но вот наконец мы с ним остаемся одни, и он говорит:

– Мне не столько с тобой спать хочется, как я хочу, чтобы ты станцевала стриптиз.

Я говорю:

– Неужели ты не можешь купить кассету и посмотреть, я не знаю, порнуху?

А он:

– Нет, я хочу посмотреть вживую.

Я ему танцевала стриптиз, он радовался этому, как ребенок новой игрушке, и говорил:

– Понимаешь, у меня такое ощущение, что лучше этого уже ничего быть не может!

Я решила, что Дима все-таки не для меня. Тут еще и его родители узнали, что мне четырнадцать лет, они ему заявили:

– Дима, мало того, что ты наркоман, так ты еще и за девочку хочешь отсидеть в тюрьме!

В принципе они были правы. Он мне не был нужен, за-

то я ему была нужна. Я была ему нужна в полном смысле этого слова, потому что пока Дима был со мной, он пытался бросить колоться, не употреблять наркотики. У него была достаточно большая сила воли, и скорее всего он добился бы этой цели, но к тому времени он мне уже надоел. Я подумала: зачем мне нянчиться с этим Димой? Нет, хватит, надо сделать так, чтобы у меня было несколько ребят – с этим можно сходить в кино, с этим гулять, с этим проводить время еще как-то. Мне нужно было, чтобы меня боготворили, чтобы мне постоянно говорили, какая я замечательная и хорошая. Например, если мне парень подарит розочку, я этому неделю радуюсь, у меня всю неделю безграничное счастье и хорошее настроение. А если он не может сказать: «Настя, ты сегодня потрясающе выглядишь!» – то это меня совершенно не устраивало.

И я решила, что мне нужно иметь несколько парней. Потому что я такой человек – я не могу оставаться одна. Совершенно не могу. У меня тут же начинается какой-то психоз, истерика. Ну как можно одной быть?! Нет, я без парня еще ни разу в жизни не была. У меня не было такого периода, когда у меня нет парня. Десять, пять, два, один, но у меня всегда есть.

И вот я завожу всякие знакомства. Красивые ребята мне нужны были для того, чтобы с ними спать. И еще мне нравилось идти с красивым парнем по улице, и чтобы другие девчонки смотрели на это с завистью. Да, я себя чувствова-

ла на седьмом небе от счастья, когда шла по улице с красивым молодым человеком. Пускай он тупой, глупый, но меня устраивала его внешность. А умных ребят у меня тоже было достаточно. Я знала, что, например, один мой мальчик может оплатить билет на дорогой фильм. И я шла с ним в кино. В театр я шла с другим, который умнее, интеллектуальнее. Помогать мне с уроками я просила третьего. Мне нужны были разные, потому что одного идеального я тогда не искала, я думала, что таких вообще не существует.

И вот 25 октября – ровно месяц, как мы с Димой. Вечером он ко мне приходит и говорит:

– Настенька, солнышко! Я тебя люблю!

То есть клянется мне в вечной любви, обнимает, целует.

А я стою, и, знаете, мне все равно – есть он рядом или нет его, мне плевать. Надоел, и все. И он чувствует это, уходит от меня и говорит:

– Насть, ты уверена, что не пожалеешь?

А я улыбаюсь:

– Да все нормально! Все хорошо... – и целую его в щеку так холодно-холодно.

Он понял, что это разрыв отношений, и ушел.

А на следующий день мне позвонила его сестра и сказала, что у него передозировка. Мол, его еле спасли и он сейчас находится в больнице.

Знаете, вы, наверное, подумали, что я сломя голову полетела туда... Нет, я этого не сделала. Я зашла к его родителям

и сказала им, что Дима кололся из-за меня, а теперь я исчезну, меня не будет, и все у вас будет хорошо. Родители меня поблагодарили, и все – я ушла из его жизни навсегда. Даже не стала узнавать, как он там выкарабкивается, а просто отрезала эти отношения.

Канун Нового года. И – новые мои жертвы.

На улице я знакомлюсь с двумя парнями. Оба очень симпатичные, одного звали Боря, он был блондин, а другого – Женя, брюнет. Мы знакомимся, я иду с ними к метро и вижу, что оба они проявляют ко мне большой интерес. Я думаю: кого выбрать? Беленького или темненького? А пока я так гадаю, они тоже переглядываются и оставляют мне свои телефоны в надежде, что я сделаю выбор и позвоню одному из них.

Ха, не тут-то было! Я уже все рассчитала. Я позвонила и тому, и другому. Решила: буду играть на два фронта.

Оказалось, что они не такие уж и хорошие друзья. Они просто знакомы и общаются только из-за компьютеров. При этом Жене, который брюнет, двадцать один год. А Боре всего лишь семнадцать. Но он такой интеллектуальный, умный, а Женя хоть и взрослый, но глупый и лентяй. Хотя он где-то работал, у него не было в жизни определенной цели, не было никаких стремлений.

В канун Нового года Боря приглашает меня к себе. И я понимаю его планы – мол, вот я приду, и мы с ним переспим. Такой был его план – он вообще был такой расчетливый, никогда ни одного слова не говорил от души. У него все было продумано и рассчитано. Это был самый расчетливый чело-

век, которого я только в жизни знала. А я решила, что нет, ты мне, такой расчетливый, и даром не нужен!

И стала встречаться с Женей, хотя он был настолько туп и глуп, что просто не было слов. Но мне в то время нужен был именно такой человек. Чтобы он был безвольный и во всем мне подчинялся. И вот наступает Новый год, мои родители созвали гостей, родственников, накупили разных вкусностей, накрыли стол, и вдруг – без двадцати двенадцать – звонок в дверь. Я выхожу – стоит Женя. Пьяный и вообще никакой. Стоит и говорит:

– Настя, я тебя люблю! Солнышко мое, я без тебя жить не могу!

А мне это противно, я не люблю, когда пьяный человек начинает ко мне приставать.

Тут выходит мой отец, уже такой веселый после вина, выходит и видит, что к его дочке какой-то козел лезет. И говорит этому Жене:

– Тебя пристрелить, или ты сам вылетишь из дома?

А у моего папы и правда есть оружие.

Женя начал папе говорить, что он меня любит. Мне от этого чуть плохо не стало. Во-первых, мой папа не терпит таких пьяных придурков. А во-вторых, он видит, что мне этот мальчик не ровесник, а намного старше. И папа говорит:

– Смотри, я тебя сейчас с лестницы спущу!

Женя ушел, папа мне говорит:

– Нет бы он пришел с букетом роз, с подарком. Мы бы за-

шли, посидели, выпили. А то, козел такой, приперся пьяный!

И мне, конечно, стыдно перед отцом.

На следующий день Женя звонит и просит прощения:

– Настя, ты извини, я напился.

Почему это у них такое оправдание, непонятно. Если ты напился и спьяну сделал какую-то дурь, то вдвойне дурак – и что напился, и что пьяный себя контролировать не умеешь. Правильно я говорю? А у них считается, что если он пьяный, то ему это как оправдание. Дурдом какой-то...

Ладно, я пару раз сделала вид, что не хочу его ни видеть, ни знать. А когда он позвонил в третий раз, говорю:

– Хорошо, я тебя прощаю. Но ты должен как-то искупить свою вину.

И он в качестве извинения приглашает меня к себе в гости.

А живет он с папой, братом и бабушкой. Но у них большая четырехкомнатная квартира. Я прихожу, и мы садимся в его комнате, начинаем смотреть какой-то фильм. Он видит, что мне скучно, и говорит:

– Давай, Настенька, я тебя развеселю.

И включает на компьютере диск, а там музыка. Я говорю:

– Ба! Какая музыка красивая! А что это там еще шумит?

Это деньги сыплутся?

Он говорит:

– Настенька, это не деньги сыплутся, это прибор шумит.

Хм, шумит, и ладно. С Женей я не спала, а делала ему

только минет. И вот после того, как я сделаю ему минет, я лежу на кровати, а он становится передо мной на колени, начинает целовать мои ноги, колени, выше, живот, грудь. А я лежу и думаю: ну, нравится мальчику меня целовать – и без проблем! Пусть радуется...

На самом деле в Жене мне нравилось только то, что он был более-менее симпатичным. Хотя одевался в какие-то непонятные джинсы. А я любила, чтобы парень был в брюках, чтоб на нем был пиджак с галстуком.

И Боря, его друг, это сразу просек. Он приходил на свидания всегда в галстуке, в таких красивых стильных костюмах и с белым шарфом. Ну, это меня сначала просто с ума сводило! К тому же он был очень интеллектуальный, начитанный, мог поддержать любой разговор. Хотя чувствовалось, что говорит он все это не от души и не потому, что так думает. А потому, что ему хотелось произвести хорошее впечатление. То есть Борова тактика была идеальной, каждый шаг спланирован, речь отточена. Он делал мне такие замечательные комплименты! Да, поверьте мне, все было в нем безукоризненно, и в то же время чувствовалось, что все это блеф. Есть, оказывается, такие люди на свете – снаружи очень интересные, даже романтические, а внутри один холод и расчет. Я, слава Богу, с этим быстро разобралась и предпочла Женю, мы встречались с Женей месяца три-четыре. Но я не хотела с ним спать. Не знаю почему. У меня не было к нему отвращения, просто не хотела, и все. А когда ему было уж совсем

невтерпеж, я делала ему минет, и ему это нравилось, он меня за это любил. А поскольку я привыкла всегда все делать хорошо, то я и это стала делать замечательно.

А Женя по гороскопу Лев. И я знаю, что Львы, если чего-то захотят, всегда этого добиваются. Я ему говорю:

– Мальчик мой, ты работаешь в автосервисе, вкалываешь, как папа Карло. Давай я тебе помогу. Поступай в институт, у моих родителей есть связи...

А он – нет. Он уперся как баран и говорит: не пойду я учиться, и все!

Ну нет, так нет. С такими тупарями мне общаться неинтересно. Представляете, мне четырнадцать лет, ему двадцать один, но он настолько глуп, что сидит и говорит:

– Настенька, расскажи что-нибудь, а то мне с друзьями поговорить не о чем.

Я в шоке. Как это, чтобы с друзьями не было о чем поговорить? Ну, мы и расстались с ним. Я от него ушла с большой практикой минета.

Однажды я гуляла по городу. Я вообще люблю гулять по городу – знаете, просто вот ходишь не важно зачем, даже по своему району ходишь, смотришь на людей и о чем-то думаешь. Вы не пробовали? Иногда очень клевые мысли приходят...

И тут, 3 апреля, я знакомлюсь с мальчиком. А он потрясающий, красивый, стильный, у него все-все как надо. Он учится в МГУ на третьем курсе, весь такой добрый, нежный, милый, и зовут его Кирилл.

Мы начинаем с ним перезваниваться, потом встречаться, гулять по набережной. У нас в Измайлово очень красивые места – парк, рядом озеро. Мне нравилось там гулять, общаться с Кириллом, находиться в его обществе, смотреть на него. Он блондин, стрижка такая шапочкой, и волосы как бы нависают на глаза. А глаза темные, выразительные, и это смотрелось очень красиво. Я была на седьмом небе от счастья, когда он своими глазками на меня смотрел.

Но у нас с ним не было места, где мы могли бы интимно встречаться. Поэтому однажды он пришел ко мне вечером, а моих родителей не было, они уехали в гости, я была с бабушкой. А бабушка у меня вообще мировая. Если, например, я уйду гулять, когда родителей нет, и приду только утром, она меня обязательно прикроет, никому ничего не расска-

жет. Поэтому, когда Кирилл ко мне пришел, я говорю:

– Бабуль, мы тут посидим, чайку попьем.

И села с ним на кухне. А он говорит:

– Настя, я тебя хочу! Пойми, я не могу больше! У меня уже все!

Ладно, я сделала вид, как будто он ушел – дверь наружную открыла и закрыла. Он взял в руки ботинки, и мы пошли в ванную. Я включила воду, села на ванну, а он был стоя, и в такой позе все и произошло. Это даже нельзя сказать, что мы занимались любовью. На самом деле это был звериный инстинкт, мы просто трахались – без чувств, ласк, поцелуев. Так все и закончилось.

В то время у Кирилла не было постоянной девушки, я жила рядом, и ему было удобно вот так забегать ко мне. А иногда, если ему удавалось сплавить куда-то своих родителей, он приглашал меня к себе. Но у Кирилла была одна дурная привычка: когда мы шли по улице, он мог вдруг резко притянуть меня к себе и начать целовать. То есть это у него перед прохожими был такой прикол. Или, например, мы гуляем по парку. И вдруг он хватает меня, со всей силой прижимает к дереву. Я говорю:

– Кирилл, отпусти, мне больно.

А его это прикалывало.

Но постепенно я понимаю, что одного Кирилла мне мало. Да, хотя у нас с ним все прекрасно, мне его одного недостаточно. И как-то, сидя у него дома, я беру его записную

книжку и начинаю пролистывать. Думаю: надо найти парочку его хороших друзей и самой с ними познакомиться. Тут я натыкаюсь на телефон Дениса, одного из его лучших друзей. Я звоню ему и шутя говорю:

– Красавчик, давай-ка мы с тобой встретимся.

Знаете, я решила сыграть в рулетку «повезет – не повезет». Ведь я же этого Дениса не знала, даже не видела ни разу. Вдруг он урод или какой-то дурной? И если бы Кирилл узнал, он бы тоже не был в восторге.

Но я все-таки встречаюсь с этим Денисом, и мы производим друг на друга положительное впечатление. Особенно Денис на меня. Я вообще люблю людей образованных, умных, с которыми есть о чем поговорить. А тут выясняется, что Денис работает в адвокатской фирме помощником адвоката, что он целеустремленный, интересный и вообще симпатичный парень. И начинается наш роман. Мы с ним так классно отдыхали! Он ничего для меня не жалел. Он просто влюбил меня в себя. Да и он меня любил, и мне стало трудно уделять время и Денису, и Кириллу, я думаю: вдруг мы столкнемся? При этом Кирилл меня начинает расспрашивать, где я пропадаю, а Денис – откуда я узнала его телефон.

Но тут как раз и начинается моя самая интересная жизнь! Я думаю: хм, так, надо еще кого-нибудь из их друзей, третьего. Смотрю у Кирилла его школьный альбом, фотографию, когда они в одиннадцатом классе выпускались, и вижу – вот

Кирилл, вот Денис, а вот еще один мальчик, тоже обалдеть какой красивый – Сеня Гельман. И я Кирилла как бы между прочим спросила:

– Ой, какой симпатичный мальчик! Кто это?

Он мне вкратце рассказал. Я думаю: надо же, будем знать!.. И, как всегда, беру записную книжку Кирилла, ищу там номер этого Гельмана, потом звоню ему и говорю:

– Сенечка, давай-ка мы с тобой увидимся.

И попадаю в точку. Мы с Сеней гуляем по нашему району, разговариваем, видим, что у нас есть общие интересы. При этом я же понимаю, что нереально трем лучшим друзьям врать и быть у них одной девушкой на троих. И я честно рассказываю Сене, что я и с Денисом, и с Кириллом. Он, конечно, посмеялся. Тут мы с ним заходим в школу, где они все трое учились. Сеня говорит:

– У меня хорошие отношения с тренером, давай зайдем в спортзал.

Мы зашли в спортзал, он о чем-то переговорил с тренером и вернулся ко мне.

– Пойдем со мной.

Мы поднимаемся выше – может быть, вы знаете, над спортзалами всегда есть такие комнатки, их иногда оборудуют под раздевалки. Мы заходим в эту комнату, а там никого. Ха, думаю, надо же, какой ты быстрый! Конечно, я и сама быстрая, но тут я была просто в шоке.

А Сеня начинает учить меня жизни, он говорит:

– Ты такая красивая, умная, зачем играть сразу с тремя парнями?

Я думаю: ах так? Ты привел меня в эту комнатку для того, чтобы лекции мне читать? Сейчас я тебе покажу!

И вот он читает мне эти нотации, а я подхожу к нему и начинаю ему джинсы расстегивать. Он в шоке. Конечно, я вижу, что он меня хочет, но он пытается что-то сказать, как-то отнекиваться, а я уже – все, я уже наступаю и начинаю делать ему минет.

Вы представляете?

Он в шоке, в кайфе, в блаженстве! Ведь что я по сравнению с ним? Я же намного младше, мне всего четырнадцать лет! И такая девочка!

Мы вышли из этой школы, он был счастлив, он шел и говорил:

– Настенька, забудь про Кирилла, забудь про Дениса! Пожалуйста, будь моей девушкой! Я прошу тебя!..

Я говорю: «Я подумаю» – и со спокойной душой ухожу от него. Я была счастлива. Нет, серьезно, я была очень счастлива тем, что я такая замечательная, могу любому из парней вскружить голову и вся их мужская дружба ничто по сравнению со мной! А ведь было время, когда я занижала свою самооценку, когда я думала о себе, что я грязная, ничтожная, чуть ли не уличная шлюха и вообще никому не нужна. А оказывается, я всем нужна, всем буквально!

И вот у меня дни проходили так: утром я бежала домой к

Денису, днем гуляла по набережной с Кириллом – мы с ним любили озеро в нашем парке и гуляли всегда по набережной, а вечером – к Сене.

И все у меня выходило складно, просто потрясающе.

Так я дожила до 25 апреля.

25 апреля было воскресенье. Я проснулась и думаю: надо выйти прогуляться. Как я вам уже говорила, я люблю погулять одна. И вот я еду на каком-то автобусе просто так, в неизвестную сторону. А одета я была очень стильно – на мне красивый пиджак, прозрачная кофта и юбка такая короткая, что ее из-под пиджака даже не видно. Да на меня все люди смотрели – я же вижу их взгляды.

Иду я по бульвару,
Все смотрят на меня.
«Красивая девчонка,
Жаль, что не моя!»
Короткая юбчонка,
Высокие сапожки.
Белая дубленка
И телефон в ладошке.

Конечно, я эти стихи написала зимой, но они сюда очень подходят.

Тут заходит в автобус какая-то компания и пытается меня подцепить – типа, девочка, поедem с нами, развлечемcя, ляля-ля тополя. А мне обидно – я же им не шлюха какая-нибудь, чтобы со мной так разговаривать! Я со злости выхожу из автобуса, захожу в метро, спускаюсь по эскалатору и

вдруг вижу парня потрясающей красоты! Знаете, он просто как Кен у куклы Барби! Именно такой – в нем все идеально! Я сначала даже не поняла, что это реальность, мне показалось, что это мираж. Но думаю: не могу же я бежать за парнем! Неужели я такая, чтобы бегать за пацаном? Нет! Ни за что! Но тут же и плюнула на все, думаю: к черту! Бегом спускаюсь по эскалатору и уже на другом эскалаторе начинаю подниматься вверх. Я решила: все равно познакомлюсь с этим парнем! Ну что мне стоит? Правда, в душе какая-то гордость противоречит, и я себе говорю: «Насть, да у тебя столько парней, зачем тебе этот еще? Зачем он тебе нужен?» Но нет, та, другая, Настя пересилила. А может, это мой ангел-хранитель решил надо мной посмеяться...

Короче, я знакомлюсь с этим парнем, его зовут по-царски – Петр. И весь он такой красивый, умный – я, только глянув ему в глаза, сразу это поняла. Он говорит:

– Поедем ко мне домой, я возьму деньги, и мы с тобой отправимся в какой-нибудь клуб на дискотеку...

То есть, знаете, он так быстро, сразу предложил поехать к нему домой, что меня это смутило. Хотя я никогда ничего не боюсь, но подумала: «Домой? К тебе?» Но я же такой человек – будь что будет! Я говорю: поехали.

И вот мы едем к нему домой. А он и правда берет деньги, доллары, мы выходим из дома, и он мне говорит: давай туда пойдем, давай в этот клуб поедем, давай я тебя в ресторан свожу. А я иду с ним, и мне без всяких ресторанов хорошо.

Я с ним душой отдыхаю. Он говорит:

– Сейчас я поймаю машину.

А я:

– Нет, я не хочу машину. Я хочу на автобусе.

Мы садимся в автобус и едем. Тут я вижу наш измайловский парк и говорю:

– Выходим!

Он говорит:

– Но мы же хотели в клуб, на дискотеку...

Я говорю:

– Нет! Выходим!

Мы идем гулять по нашему парку, разговариваем, общаемся, и я понимаю, что я его люблю. Не знаю, наверное, я первый раз в жизни поняла, что я кого-то полюбила. Это было просто потрясающее чувство! Весна, он красивый, я красивая, у нас все замечательно, мы просто дополняем друг друга. И мы весь этот день проводим вместе. Потом, позже, Петя мне признался, что когда познакомился со мной, то подумал, что вот я вся такая нафуфыренная – наверное, хочу раскрутить его на деньги и бросить. Я говорю:

– Если ты так подозревал, почему же ты сразу меня не послал?

А он говорит:

– Даже если бы и так, я все равно хотел быть с тобой! Мне с тобой хорошо.

Тут я и поняла, что нашла, можно сказать, свою судьбу. И

была так счастлива – все, это и есть мой парень, мой принц на белом коне!

Я оставила ему свой телефон, мы попрощались и договорились, что он мне позвонит.

Но проходит день, проходит два, а Петр не звонит. И я снова плюнула на свою гордость, сама пошла к нему домой. Хотя очень плохо помнила, где он живет. Но зрительная память у меня отличная, я нашла этот дом, звоню в его квартиру. Какой-то мужчина открывает дверь и говорит:

– Здесь такие не живут. Вы, девушка, ошиблись.

У меня аж сердце остановилось. Как так? Боже! Я провела с ним самый замечательный день в моей жизни! И это был мираж?

Я вышла из этого дома и пошла куда глаза глядят. Я не знала, как его искать. Я бы поехала за ним на край света.

Прихожу домой вечером, и у меня просто нервный шок, срыв, температура. Мама меня начинает выхаживать, но наутро я все равно просыпаюсь с температурой 41°, и даже не просыпаюсь, а так, в бреду нахожусь. И вот в таком полуживом состоянии брежу и постоянно повторяю имя: «Петя! Петя!» То есть я никогда в жизни так сильно не болела, и мне даже страшно было: не умру ли я вообще?

Потом, когда я чуть-чуть пришла в себя, мама сообщила мне, что да, тебе звонил какой-то мальчик и представился Петей.

Я поняла, что он меня не забыл и что я адресом не ошиб-

лась, а просто там было что-то такое, из-за чего они не смогли Петю позвать. Но меня это так подсекло, что я неделю не могла встать с постели.

Лечили меня всевозможными лекарствами, их было так много, что я, помню, каждый час глотала какие-то таблетки и полоскала горло – мама была уверена, что это ангина. Меня растирали водкой, коньяком, гусиным жиром – в общем, применили ко мне все, что можно. В конце концов меня поднимают на ноги, я выздоравливаю, Петя звонит, и мы с ним опять встречаемся.

А Пете всего двадцать лет, но он парень очень занятой – представьте себе, он в свои двадцать лет уже был хозяином туристического агентства. При этом он добрый, общительный, и вообще у него все самые лучшие качества, какие нужны мужчине. Но к сожалению, в июне у него важная командировка, и он уезжает. А пока его не было, я многое передумала и поняла, что я все-таки не та девушка, которая ему нужна. Зачем ему такая? Он идеальный, а я?

К тому же это июнь, а что делать четырнадцатилетней девушке в июне в Москве? Хорошо еще, что родители купили мне в это время щенка колли, я постоянно была к нему привязана, не могла надолго исчезать из дома. И вот, гуляя со своим щенком, я знакомлюсь с двумя мужчинами, живущими в моем доме, но в соседнем подъезде. Когда я была маленькой, они меня не замечали, да и я их не видела. Странно, правда? Четырнадцать лет живешь в одном доме и не ви-

дишь их, а потом раз – и знакомишься. Одного из них звали Миша – о, это красавец! У него отец – испанец, а мама – русская. И вся красота, которую можно взять у русских и испанцев, вошла в Мишу.

Мише двадцать один год, а его другу Марату двадцать семь лет. Марат жил на двенадцатом этаже, у него жена и ребенок. Вроде два взрослых человека, уже состоявшихся в жизни. Что же заинтересовало их в такой девочке, как я? Впрочем, у них тоже были собаки. И, гуляя с нашими собаками, мы постоянно пересекались. При этом они, видя меня, улыбались, и у них были такие взгляды, как, знаете, «кот на сметану». Да, по-другому это и выразить никак нельзя, они смотрели на меня именно как «кот на сметану». Но они мне тогда не были нужны. Я радовалась тому, что у меня есть Петя, что у нас с ним такая чистая любовь.

Но как-то мы с Мишей сидим вечером у подъезда, поскольку наши собаки вместе играли. Миша говорит:

– Заходи как-нибудь в гости, красавица.

Ну разве Настенька не может зайти на чай к своим соседям? Конечно, может. Я пошла. Я была уверена, что ничего плохого не будет – во-первых, это сосед, а во-вторых, зачем ему четырнадцатилетний ребенок? Короче, я пришла к Мише на чай и стала с ним заигрывать. То ножку на ногу положу, то смотрю на него пристально. А он не обращает на это внимания. У него в комнате огромные кресла, просто невероятные. И вот он сидит в кресле и на меня смотрит.

А я на диване лежу и понимаю, что мне нужно какие-то действия делать, не чай же я пришла к нему пить. Я подхожу к нему, сажусь на пол и начинаю его гладить. Сначала по его рукам, потом по телу. И чувствую, какое оно напряженное, какие все мышцы потрясающие. Потом глажу между ног и ощущаю, что он доведен до кондиции, что он хочет меня. Но только я пытаюсь расстегнуть ему ширинку на джинсах, он останавливает меня и говорит:

– Нет!

Я говорю:

– Почему?

Он говорит:

– Нет, и все! Я тебя не хочу.

Я думаю: ладно врать, я же не слепая и не дура какая-то! И целую его в губы. А он, оказывается, не любит целоваться. Он начинает говорить, что люди от животных отличаются тем, что люди целуются. Но если я буду целоваться со всеми, то очень скоро утрачу вкус поцелуя.

Я говорю:

– Миша, а хочешь, я сделаю тебе по-французски?

Он говорит:

– Нет, не хочу.

То есть я и так и эдак, а он – наотрез! И говорит:

– Пойдем на кухню, чё-нибудь выпьем.

Мы идем на кухню, и он наливает мне вино, а себе – коньяк. Садится, пьет коньяк и курит. Это, я понимаю, он на-

столько возбужден, что пытается себя успокоить. Хотя сам же меня отверг, и мне это обидно до ужаса. Такое чувство, что мной поиграли и бросили. Кстати, именно тогда я поняла, как себя чувствует парень, когда девушка его возбуждает, а потом говорит: «Нет, и все!» Я тогда была типа такого же парня. Но думаю: ладно, не мытьем, как говорится, так катаньем, а ты все равно мой будешь!

И поджидаю в подъезде его друга Марата, пытаюсь войти с ним контакт и говорю:

– Ну что, Марат, давай с тобой хоть чуть-чуть пообщаемся, время вместе проведем.

Он смотрит на меня и смеется:

– Как ты себе это представляешь? Я тебя на карусель свожу? Куплю тебе мороженое?

И стоит так, улыбается, облокотившись на перила. Я подхожу к нему, прижимаюсь, целую его в губы и говорю:

– А ты любишь минет?

Марат, конечно, в шоке. Я даже не знаю, как это описать. Он на меня смотрит испуганными глазами, ведь он старше меня на тринадцать лет! Потом все-таки улыбается и говорит:

– Да, смелая ты, красавица!

В его устах это было больше чем комплимент.

Но я понимаю, что он женатый человек, нас никто с ним не должен видеть. Ни в коем случае! И мы договариваемся, что я приду в гости к нему и к Мише. Ноу проблемс – как

сказала, так и сделала. Прихожу к Мише – а что мне? Только перейти в другой подъезд! Прихожу, а там Марат. Ладно, сидим, общаемся, а потом Марат так вежливо говорит:

– Миша, ты же в магазин хотел идти...

Миша уходит. Мы с Маратом остаемся, и тут начинается! Он просто на меня набрасывается, как, знаете, давно не видевший ласки человек. Конечно, это можно понять – у него жена его ровесница, а тут все-таки молодое красивое тело, это ни с чем нельзя сравнить. И вот он на меня смотрит, любит меня, целует, а я не хочу с ним спать. Не хочу, и все. И я делаю ему минет. Он говорит:

– Надо же! Молодец! Тебе всего четырнадцать лет, а моя жена даже минет мне не может хорошо сделать.

Мне это, разумеется, приятно. Тем более что Марат очень красивый, сексуальный, накачанный, они с Мишей постоянно ходили в спортзалы, посещали всякие тренажеры, бассейны. В общем, у Марата тело потрясающее.

Когда все закончилось, я умылась, и тут – не прошло и двух минут – приходит Миша. Я представляю, конечно, что он себе нафантазировал, пока ходил в магазин! Зато теперь он на меня смотрит совсем по-другому, а не так, как первый раз, – типа, что я ребенок. То есть он уже понял, что и он может, что со мной это реально. И вот прямо в коридоре мы с ним начинаем целоваться, хотя еще недавно он мне пел, что он же не любитель в губы целоваться, да и Марат еще находился в другой комнате. Но мы целуемся, и я чувствую,

что Миша уже на пределе, он меня хочет до обалдения. Ха, а мне только этого и надо! Марат уходит, а мы с Мишей оказываемся в постели – то есть я своего добилась!

Знаете, я никогда не испытывала такого чувства. Теперь я понимаю, как ликууют парни, когда долго пытаются добиться девчонки, а потом получают ее. Она просто как кубок, как подарок свыше! Вот то же самое представлял для меня и Миша. Я до него так долго шла, что, получив такой красивый подарок, была на седьмом небе. Знаете, некоторые бывают счастливы, некоторые бывают счастливы вдвойне, а у меня было счастье в кубе – мало того, что я своего добилась, так еще с обоими сексом занималась!

После этого я, конечно, быстро пошла домой, умылась, приняла душ и сразу легла спать, потому что утром у нас в школе была контрольная – сочинение про Анну Каренину или пьесу Островского «Гроза». На выбор.

Назавтра, придя из школы домой, я села и думаю: я запуталась. Нет, серьезно – у меня были Сеня, Кирилл, Денис, Миша, Марат и Петр. То есть я уже совсем потерялась в этом неслыханном количестве парней. Я забыла даже, с кем из них я спала, а с кем не спала. Да, было трудно, и я решила, что надо как-то развеяться, подышать свежим воздухом.

Так я и сделала.

Я поехала подальше от дома, в другой район. Думаю: давай-ка просто погуляю, посижу, успокоюсь.

Захожу в какое-то кафе, оно такое тихое, уютное, мне понравилось. Заказала себе мороженое, сижу, думаю о жизни, взяла с собой дневник, я постоянно веду дневник, пишу туда свои стихи, мысли и переживания.

Тут ко мне подсаживается парень. Знаете, что я могу точно сказать о себе? У меня никогда не было некрасивых ребят, никогда! Все мои парни отличались тем, что в них всегда была какая-то изюминка. Или они были красивы, или умны, но никогда не было таких, которые просто по нулям, никакие. Нет, я с такими никогда не встречалась.

И вот подсаживается ко мне парень, очень симпатичный. Смугленький, как мулат, а зубы белые-белые, белоснежная улыбка. И начинает со мной общаться. Я думаю: ну вот, отдохнула, девочка! Я же хотела отдохнуть, побыть в одиноче-

стве. Но знакомлюсь, конечно, с этим мальчиком. Его зовут Вадим. Он начинает мне говорить: какой вечер хороший, какая ты красивая. Я в шоке – только познакомились, и уже такие комплименты! Но вижу, что он практически моего возраста, и спрашиваю:

– Прости, милый, а сколько тебе лет?

Он улыбается и говорит:

– Я, наверное, твой ровесник, мне пятнадцать.

Я думаю: дожили! Мало того, что я в своих парнях запуталась, так ко мне еще малолетки липнут! Но мы с ним погуляли, он мне рассказывал о своей школе, друзьях, и тут я понимаю, что пройдет время, и этот парень вырастет, будет очень красивым. Поэтому я даю ему свой телефон и говорю:

– Милый мальчик, если тебе будет плохо, звони мне. Я тебя всегда пожалею и успокою.

И правда – судьба еще нас столкнет, об этом вы узнаете чуть попозже.

Часть вторая

Вторая кассета, или Как Настя отрывалась по полной

11

А после этого я еду к себе в деревню – такая московская девочка-розочка едет отдыхать.

Я приезжаю в деревню, а там своя деревенская компания и свое деревенское общение. Раньше я с теми ребятами не особенно дружила, мне это и не нужно было. У них пьянство каждый вечер, блядство просто повальное, все спят со всеми. А тут я приезжаю, такая вся чистенькая, хорошенькая. Хотя, знаете, я никогда не ставлю себя выше других людей. Нет, это не в моих правилах. Но тут я понимаю, что да – я роза, а они по сравнению со мной нечто вроде сорнячков.

Конечно, из этой компании все пацаны хотят со мной встречаться, они мне так открыто и говорят. Но мне это не нужно. Правда, с некоторыми из них я начинаю какие-то отношения, но дальше поцелуев дело не заходит. Я понимаю, что моя репутация важнее всего. За какую-то минуту удовольствия с кем-то поспать обо мне потом будут говорить не знаю что! Нет, этого я не могла допустить. К тому же я начи-

наю видеть, как московские пацаны отличаются от деревенских и какие тут, в деревне, мальчики наивные. Но для меня это в принципе не важно, поскольку эта компания меня просто боготворит. Хм, а мне только это и нужно! Я начинаю с ними снова пить какую-то дурацкую самогонку, водку с димедролом. Как я уже вам говорила, в деревнях это вообще принято – там воду размешивают со спиртом и получается такая средненькая водочка. Но таблетка димедрола – и эта жидкость пьется легко, даже вкусная. При этом она так дает по шарам – ты уже вообще не можешь себя контролировать. Очень сильная вещь. Хотя, конечно, плохо влияет на здоровье...

Короче, все пацаны там беспробудно пьют и постоянно играют в футбол. У них любовь к футболу. И был там один парень, который очень хорошо играл, лучше всех. Звали его Гоша Кольцов. Он такой красивый, знаете, – смугленький, брюнетик, на левой щеке мушка, хм...

При этом если все пацаны были, можно сказать, у моих ног, то он – нет, он любил футбол, и все. У него, кроме футбола, не было никаких пристрастий. Футбол, потом что-нибудь еще, потом еще, а только потом девушки.

Я думаю: нет, я твой футбол подвину!

И вот я прикладываю все свои усилия, чтобы очаровать этого мальчика.

Но он уперся, он не обращает на меня никакого внимания. Я просто из сил выбиваюсь, чтобы привлечь его, я уже всех

пацанов к себе не подпускаю, говорю: «Не трогайте меня и вообще не подходите ко мне!» – только чтобы он не думал, что я какая-то распушенная. А он – нет, и все, в упор меня не видит! Думаю: все равно я так просто не сдамся!

И тут я узнаю, что этот Кольцов – московский мальчик. Все пацаны – деревенские, а он московский! Это, конечно, еще больше усиливает мое желание заполучить такой подарочек. Но оказывается, что у него, к сожалению, мама с папой какие-то очень крутые и он уезжает в Испанию играть в футбол – у них там какой-то футбольный клуб и пансионат для богатеньких. Я обломалась – мне было так обидно!..

Лето продолжалось – теплое, даже жаркое.

И тут возвращается мой сладкий мальчик из Испании. Гоша Кольцов. Он приезжает не один, а с другом. Сергей Покровский его лучший друг, и этот Сергей, знаете, очень похож на Мартина, которого вы описали в книге «Новая Россия в постели». Он в каких-то непонятных джинсах, глупый, неприятный, и вообще он меня раздражает. Например, мы идем на шашлыки на ночь. А он мне говорит:

– Настенька, солнышко!..

И тут же начинает меня обнимать, целовать. Я в шоке. Я говорю:

– Не трогай меня! И вообще, кто ты такой, чтобы я тут с тобой общалась?

Но я-то понимаю их план. Кольцов сказал своему другу: мол, есть у меня в деревне московская девочка, приезжай и получи ее.

Ха, но и я-то не лыком шита! Чтобы я да с таким парнем? Упаси Боже!

Но с другой стороны, получается, что хочешь не хочешь, а мне надо с ним как-то общаться. Не могу же я игнорировать его, если хочу заполучить его друга Кольцова! А у него, Покровского, глаза, знаете, такого желтого цвета. Это очень страшно, я никогда таких глаз не видела, у меня от них даже

мурашки по коже постоянно бежали.

Правда, из его разговоров я понимаю, что он очень целеустремленный. У него есть мечта – он хочет выучиться и уехать из России. И я, представляете, наивная девочка, я думаю: а почему я не могу завоевать этого парня? Тем более что он ко мне равнодушен. И я начинаю с ним встречаться, хотя оказывается, что это очень трудно – быть с человеком, которого не любишь. И не просто не любишь, а он тебе настолько неприятен, что иногда у меня было даже какое-то отвращение.

Но я пересилила себя. Мне надо было проверить: смогу я быть с таким человеком или нет? А этот Сережа Покровский то приезжает ко мне в деревню, то уезжает в Москву. Я думаю: ничего, выдержу, все будет хорошо.

И тут к нам из Твери приезжает какой-то родственник – так, седьмая вода на киселе. Но со своими двумя сыновьями. Одному сыну двадцать один, а другому семнадцать. И вот которому семнадцать – он блондин и очень красивый. Его зовут Володя Курилов. Потрясающей красоты, просто обалденный! Но настолько глуп – я таких глупых людей никогда не видела. Знаете, внешне он как будто сошел с обложки журнала, но если он скажет хоть слово, то все – ты сразу разочаруешься в его красоте.

При этом папочка, его родной папа, убедил его в том, что вот, мол, мы едем в гости, там будет московская девочка, если ты ее очаруешь, то мы вас поженем и тебе достанется

ее трехкомнатная квартира в Москве и тесть «на трубе». А «трубой», как вы знаете, называют сибирский нефтепровод, и про всех, кто качает нефть и газ за границу, говорят, что они «сидят на трубе». И про моего отца тоже так говорят.

И вот папа этого Володи Курилова решил, что его сын-красавчик должен меня очаровать и таким образом устроить свою жизнь.

Я была в шоке. Для меня вообще смешны все эти глупости. Ну как можно планировать такое, когда мне всего четырнадцать лет?

Но тут наступает мой день рождения – 27 июля. Мне должно исполниться пятнадцать лет, а у меня дни рождения всегда были шикарные. Мне мама с папой обязательно снимают какое-нибудь хорошее кафе или ресторан. Когда мне было двенадцать лет, они сняли «Баскин Роббинс», а на тринадцатилетие – «Шинок».

Но пятнадцать лет – это все-таки пятнадцать лет, этот день рождения у меня должен был быть каким-то другим, необычным. Я папе говорю:

– Папочка, любимый! Я хочу поехать на шашлыки. Чтобы вы нам все организовали, и мы там будем ночевать с палаткой.

Потом я набираю подружек, хотя, честно говоря, подруг у меня практически не было. У меня друзья – только пацаны. Но все-таки я набираю несколько девчонок и много парней, и у меня выбор – у меня есть Володя Курилов, Сережа По-

кровский и Гоша Кольцов. И я понимаю, что с кем-то из них я должна провести свой день рождения. Но с кем, я еще не знаю. Ха! Я думаю: ну не жребий же мне тянуть! Там будет видно...

Наступает 27 июля. Я вся такая красивая, счастливая, радостная. К вечеру собираются гости. Мой папа отвозит нас на берег реки – купил нам фрукты, арбузы, мясо для шашлыков. Короче, все что нужно было плюс мобильный телефон. Оставил там нас и со спокойной душой уехал, сказав: «Если будут проблемы, звоните, я приеду».

И вот мое состояние: я нахожусь между трех огней. С одной стороны – Сережа Покровский, который ходит за мной по пятам и трется, как теленок, ласковый такой, нежный: «Настя! Настенька!...», срывает для меня полевые цветочки – то есть такой весь романтик. С другой стороны – Гоша Кольцов, у которого взгляды типа – ха, девочка, конечно, я сегодня с тобой ночь проведу, но футбол для меня все-таки важнее. И с третьей стороны – Володя Курилов, который не большого ума, но тоже уверен, что в эту ночь он меня трахнет – да по-другому это и назвать нельзя, он других слов и не знает.

А я хожу и думаю: с кем же мне быть? И честно говорю: я не знаю.

Наступает вечер, мы сидим у костра, и каждый из этих ребят пытается сесть ко мне ближе, обнять меня. А я – от них. Одного оттолкну, другому нагрублю и думаю: ну Господи, ну

кто-нибудь из вас, ну отступите же от меня! Зачем вы, как три скалы, рядом?

Но нет, так просто они не отступали.

Я говорю:

– Все! Мне надоело, расходимся по палаткам.

Те девчонки, которые уже определились, с какими они будут пацанами, тут же ушли, но там была еще моя подружка Вика. И я ей говорю:

– Вика, дорогая! Будь добра – уведи хоть одного из них!

Она начинает приставать к Гоше Кольцову, футболисту, и тот уходит с ней, а у меня остается две проблемы: желтоглазый Сережа Покровский, который в общем-то мне противен, и Володя Курилов – красивый, но глупый. Ну, думаю, ладно, сейчас разберусь. И выбираю Курилова. Не знаю почему – просто наугад выбрала и говорю:

– Давай прогуляемся.

Мы встаем и отправляемся гулять по берегу реки. Целуемся, обнимаемся, ложимся на мягкую траву. Представьте, она днем нагревается, становится жесткой, но сейчас уже вечер, она прохладненькая такая, свежая. Мы ложимся, он начинает меня ласкать, целовать, снимает с меня одежду. Я отвечаю ему взаимностью, но тут возникает одно «но»: я никогда не спала с парнями, чтобы не предохраняться. При этом я всегда считала, что это чисто их забота, что это они должны предохраняться и думать об этом. Они, а не я. А у Курилова таких мыслей не было. Он вообще считал, что я

целка, и говорит:

– Да ладно! В первый раз все равно тебе ничего не будет, ты не забеременеешь.

Я в шоке:

– Ты что, сдурел, что ли? – и отталкиваю его от себя со всей силы.

Но Володя ведь не очень умный, он только силой умеет брать девушку. И он начинает держать мои руки, целовать меня. Но мне уже не тринадцать лет, меня уже нельзя взять силой. Я говорю:

– Да я тебя уничтожу! Убери от меня руки сейчас же!

Он меня отпускает, и мне становится его жалко. Думаю: как же я, у которой столько парней, обделяю такого мальчика? Мне стало его жалко, и я сделала ему минет.

После этого мы отправились в палатку, просто легли вместе, он обнял меня, и мы заснули.

На следующее утро, когда приехал мой папа узнать, все ли у нас в порядке, мы поехали по домам. Володя уехал в свою Тверь, футболист Кольцов поехал в Москву, а я осталась с Покровским. С тем самым, которого я обидела на свой день рождения. Думаю: надо же и его пожалеть-то. Подхожу к нему и говорю:

– Ты уж извини, Сереженька! Так получилось, я не хотела тебя обидеть.

А он стоит, как скала, и говорит:

– Нет, ты меня предала, ты с другим была.

Тут я взяла и все перевернула, я говорю:

– Понимаешь, Курилова девушка бросила, мне надо было с ним поговорить. А больше у нас ничего не было, мы даже ни разу не поцеловались. Мы прогулялись по берегу, а потом я пошла спать к Вике в палатку, и мы с ней вместе спали.

Вика, моя подружка, все это, конечно, подтвердила. И Сережа по своей наивности меня прощает, и опять продолжаются пьянки-гулянки-выпивки и все остальное. Нам весело, мы развлекаемся. Но про Гошу Кольцова я не могу забыть, это мой любимый спортсмен, моя мечта. Думаю: надо мне его все-таки завоевать. И устраиваю грандиозную пьянку – покупаю хорошую водку, закуску.

А у нас, как я уже говорила, было место, где мы постоянно собирались, – заброшенная церковь «Куски». В этих «Кусках» мы пьянку-гулянку и устроили. При этом все пацаны пьют, только Сережа Покровский не пьет. Потому что он после моего дня рождения вообще не мог смотреть на водку. Думаю, ладно, сейчас Гоша Кольцов выпьет, а потом я и Покровского постараюсь напоить.

А там еще была моя деревенская троюродная сестра Ольга. Тоже симпатичная такая девочка, смазливое личико, и вообще что-то в ней такое было, наверное, – пацаны к ней липли.

И вот я хожу такая счастливая, что я королева бала и устроила такую замечательную пьянку. Потом вышла на улицу на несколько минут, покурила травки, возвращаюсь и

смотрю: лежит мой Гоша Кольцов с моей сестрой! Они лежат в обнимочку и мне ручками машут: мол, Настенька, все хорошо, золотце, спасибо тебе за такой классный праздничек!

Я в шоке. Думаю: что ж это такое? Я устроила пьянку специально для того, чтобы завладеть Кольцовым, а он выбрал мою сестренку! Я разозлилась по-черному – ведь я уже была выпившая и травку покурила, мне нехорошо. Выхожу на улицу и вижу, как пацаны развлекаются – стреляют по бутылкам. Я сказала:

– Уйдите все вон, мне плохо! Я хочу побыть одна!

Все моментально убрались, я стою и понимаю, что уже не могу себя контролировать, я падаю. А там было много стекол от битых бутылок, и вот я падаю на эти стекла коленями, у меня льется кровь. Она просто хлынула. Я стою на коленях, вижу эти лужи крови, меня это сразу отрезвило. Боль вообще отрезвляет человека.

Тут ко мне подходит Сережа Покровский, он там был единственный трезвый.

– Настенька, – говорит, – что ты, глупая? Ты разве не видишь, что тут стекло?

Взял меня на руки и отнес к себе домой, промыл и забинтовал все мои раны. А я знаю, что сейчас моя сестра Ольга обязательно переспит с Кольцовым. Я в этом уверена на сто процентов. И я лежу на диване у Сережи дома и думаю, как я завтра буду уничтожать Кольцова и свою сестру. Тут Сережа принес мне сок, а я говорю:

– А ты видел, как там твой друг с моей сестрой развлекается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.